

Л.И.Бабенко

Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника.

Скифские женские головные уборы, несмотря на сравнительно редкое присутствие в инвентаре погребальных памятников, имеют обширную историографию. Первые исследования, специально посвященные этому элементу костюма, появились еще в начале века [1; 2, С.169-192]. С конца 60-х годов начинается массовое исследование скифских погребальных памятников, в том числе и курганов знати, результатом которых явились новые находки (зачастую зафиксированные *in situ*), а, соответственно, и новые работы, посвященные изучению и реконструкции женских головных уборов [3; 4]. Особенно плодотворными оказались изыскания Т.В.Мирошиной и Л.С.Клочко, посвятивших изучению данного вопроса ряд специальных исследований [5, С.79-94; 6, С.30-45; 7, С.46-69; 8, С.16-28; 9, С.118-130; 10, С.86-96]. Однако каждая новая находка остатков головного убора вызывает неподдельный интерес, что объясняется, прежде всего, отсутствием однообразия в устройстве и оформлении подобных изделий. Изготовление парадных головных уборов в древности не носило массового характера, каждое изделие было призвано удовлетворить запросы конкретного заказчика, и поэтому, даже в случаях использования в различных уборах совершенно идентичных пластин, бляшек, подвесок, каждый убор имеет свои особенности конструкции, размеров, пропорций, а также различное сочетание орнаментальных сюжетов, что и определяет индивидуальную неповторимость изделия.

Подобная ситуация подчеркивает интерес к остаткам головного убора, обнаруженных при раскопках кургана №8 Песочинского могильника (Харьковская область) экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г.Бородулина¹ [11, С.306].

Высота кургана к моменту раскопок составляла 6,2м. Курган содержал два погребения скифского времени. Рассматриваемое здесь погребение (№ 1) было впускным. Дно могильной ямы (3,9 x 3,7м) находилось на глубине 4,4м от вершины кургана. Могила представляла деревянный сруб высотой 1,1 м с бревенчатым перекрытием. Погребение содержало коллективное захоронение (трое погребенных), половозрастная атрибуция которых затруднена отсутствием костных останков: от костяков остался след в виде тлена светло-желтого цвета.

Остатки головного убора зафиксированы в районе предполагаемого черепа погребенной, лежавшей вдоль западной стенки головой на юг, и занимали участок 55x30 см. При падении перекрытия порядок расположения пластин убора был нарушен и приобрел следующий вид. В верхней части располагались фрагменты полосок-ободков с подвесками, ниже которых находилась метопида, украшенная растительным орнаментом. Ниже метопиды обнаружена стленгида в виде дугообразной пластины из трех частей, украшенная сценами охоты всадников на оленей. Под стленгидой располагались выложенные полукругом шесть пластин с изображением сфинксов, самое нижнее положение занимали две пары пластин с изображением танцующих менад. В 25-30 см от общего скопления пластин, в сторону западной стенки, лежали одна на другой две пластины со змееной богиней [12, С.35,36]. Ниже приводится подробное описание пластин.

1. Метопида - золотая пластина длиной 34,5 см, шириной 4,4 см. Украшена растительным орнаментом, в котором от центральной пальметки по левую и правую стороны

¹ Выражаю благодарность В.Г.Бородулину за любезное разрешение ввести в научный оборот материалы погребения.

Рис. 1. Детали головного убора : 1-5 - золотые пластины; 6 -фрагмент золотой полоски с подвесками.

расходятся побеги аканфа, цветы лотоса и арицеи. Сверху орнаментальный фриз ограничен паркетной, снизу - жемчужной цепочками и полосой вписанных друг в друга полуов (Рис.1,1). Дырочки для пришивания расположены по бокам и сверху. По орнаментальному узору и размерам метопида совершенно идентична метопиде третьего убора из кургана

Чертомлык [13, С.206,207, кат.130], что позволяет предположить использование при изготовлении обеих пластин единой матрицы. Небольшая разница в ширине и длине [6, С.34] объясняется наличием на чертомлыкской метопиде по бокам и сверху необрезанной неорнаментированной закраины.

2. Две золотые пластины длиной 18,5-19 см, шириной 3,6 см (Рис.1,2). Обе еще в древности разделены на две части - одна аккуратно разрезана почти посредине, вторая имеет в правой части неровный разрыв случайного характера, делящий пластину в соотношении 2:1. Орнаментальный сюжет на обеих пластинах идентичный и представляет следующую картину. От крылатой «змееногой» богини, изображенной анфас и составляющей композиционный центр, по левую и правую стороны, расходятся побеги аканфа, два из которых оформлены в виде геральдически противопоставленных фантастических существ, изображенных в профиль. По-видимому это гиппокамп [7, С.52], либо грифон [14, С.42]. Ближе к истине первое определение, но и здесь необходимо сделать несколько оговорок. Под термином «гиппокамп» объединены различные, с точки зрения иконографии, образы, на что уже обращалось внимание [15, С.42]. В ряде случаев это фантастическое животное в виде коня, с телом, оканчивающимся змеиным или рыбьим хвостом. Подобное существо изображено на подвесках из Большой Близницы [16, Рис.251], метопиде четвертого головного убора из Чертомлыка [13, С.210,211], на нащечниках из Краснокутского кургана [15, С.72-74, рис.21,2,3] и других предметах. В то же время на ряде изделий - наверху из Краснокутского кургана и Одесского археологического музея, на бляшке из Большой Близницы, на ажурной бляшке из Александрополя - гиппокамп приобретает некоторые черты и функции грифона [15, С.42,43, рис. 9, 11,12]. По - иному, с точки зрения иконографии, трактуется образ гиппокампа на бляшке из Куль-Обы [16, Рис.207], на серебряном килике из Чмыревой Могилы [17, Табл.XV]. Здесь изображено существо, напоминающее средиземноморского конька и отождествляемое иногда с морским драконом [17, С.21]. Гиппокамп на пластине головного убора по внешним признакам (длинная тонкая лупоглазая морда со свиноподобным рыльцем, узкая изогнутая шея, плавно переходящая в туловище, шипастый гребень) относится именно к этой трактовке образа. По обе стороны от гиппокампа продолжают виться побеги аканфа, переходящие в симметрично расположенные пальметки. Пальметка завершает композиционный сюжет пластины с левой стороны. Правую сторону, нарушая общую симметрию, завершает сцена терзания орлом лежащего на спине зайца. В целом узор пластин во многом аналогичен до мельчайших деталей орнаментальному фризу метопиды из Куль-Обы [7, С.66, рис.9,4], что позволяет предположить как изготовление пластин и метопиды одним мастером, так и использование при этом элементов единой матрицы. Очевидно и то, что композиционный замысел мастера при изготовлении песочинских пластин был несколько иным, что выразилось во включении в сюжет сцены терзания, в изменении порядка чередования богини, гиппокампа, пальметок.

3. Две пары золотых пластин (первая - высотой 4,7-5,5см и длиной 12,5-13,4 см и вторая - высотой 4,6-4,9см, длиной 2,8-3,0 см) с изображением танцующих менад (Рис.1, 3). Композиционный сюжет традиционен - чередующиеся менада с тирсом и козлиной головой в руках и менада с ножом и задней козлиной ногой в руках. Высота фигурок - 4,6 см. Пластины (вариант: вырезанные фигурки) с подобным сюжетом известны именно как украшение женских головных уборов. Полные иконографические аналоги происходят из Деева кургана [17, Табл.ХХIV,8], Рыжановки [18, Табл.18, 11], Денисовой Могилы [19, Рис.1,5]. Интересно, что при изготовлении больших пластин мастер ошибся в расчетах, вырезав заготовки на 1 см короче необходимых. В результате на одной пластине не поместилась рука менады с тирсом, на другой - часть руки с ножом.

4. Шесть золотых пластин (длина - 5-5,5см, ширина - 2,8-3,1см) с изображением сфинксов с двойным туловищем (Рис.1.,4). При ближайшем рассмотрении выяснилось, что первоначально пластины представляли собой две полоски длиной 16 см, которые по размерам и орнаменту полностью соответствовали аналогичным пластинам второго убора из кургана Чертомлык [13, С.202, 203]. Согласно авторскому замыслу, пластины на уборе должны были располагаться полукругом. Для придания требуемой формы на каждой пластине было сделано по два выреза в форме равнобедренного треугольника, разделивших пластину на три части, что и позволило расположить их в требуемом порядке.

5. Стленгида - золотая пластина, состоящая из трех частей: длинной дугообразной (длина верхнего края - 25,5см, радиус изгиба - 11,5см, длина нижнего края - 22,5см,

радиус изгиба - 10,5 см), более широкой в средней части (1,7 см) и сужающейся на концах (0,9-1,2 см). Стленгида имеет также две короткие пластины подтреугольной формы, которые размещались по сторонам дугообразной пластины, продолжая ее (Рис.5). Композиционный сюжет стленгиды уникален не только для пластин, украшавших головные уборы, но и для греко-скифского искусства вообще и представляет сцены охоты на оленя в виде чередующихся фигур всадника и животного (манера изображения охоты очень близка аналогичной сцене на рукояти ахеменидского меча из Чертомлыка, но на стленгиде иной объект охоты и более сложный сюжет). Движение направлено в одну сторону, справа налево, т.е. против часовой стрелки. Начало охоты представлено на правой треугольной пластине фигурой скачущего галопом на лошади скифа, преследующего оленя с ветвистыми рогами (Рис.1,5а). Олень изображен в застывшем прыжке с отброшенной назад головой. На всаднике едва просматривается подвешенный с левой стороны горит. Завершает сцену не помещившееся целиком изображение животного (олень?). Видны только морда,

передняя часть туловища с торчащим из него древком и часть передней ноги с копытом. Продолжение сюжета следует на дугообразной пластине и представлено чередующимися в следующем порядке изображениями всадника и оленя: крайний справа - скачущий галопом всадник, затем олень, всадник, олень, всадник, олень, смазанный оттиск тупорылого животного, всадник, олень (Рис.1, 5б). Завершает композицию сцена на левой треугольной пластине, по сюжету совершенно отличная от двух предыдущих и представляющая спешившегося скифа, ведущего за уздечку лошадь (Рис.1,5в). Тремя ногами лошадь стоит на земле и только передняя левая нога делает шаг вперед, как бы подчеркивая неторопливое движение после быстрой скачки. Левая рука скифа, держащая уздечку, отведена назад. Сам скиф всем телом подался вперед, направление этого движения подчеркивает протянутая правая рука и выдвинутая вперед, согнутая в колене нога. Объект, к которому устремился скиф, воспроизведен частично и несколько смазан. Отчетливо просматривается лишь выброшенная вперед нога копытного животного, аналогичная изображению на правой треугольной пластине, что позволяет предположить здесь оттиск идентичного со-

Рис.2. Реконструкция тиары (художник Ю.Е.Титинюк).

держания и трактовать весь сюжет как сцену окончания охоты, в которой скиф склонился над поверженным им стрелой или копьем (дротиком) оленем. Резко бросается в глаза контраст между мастерством художника, с живостью и динамизмом изобразившего сцены охоты на оленя, и примитивностью технического исполнения, выразившейся в смазанности и нечеткости изображений, верхняя часть которых зачастую не вписывается в поле пластины. Часть изображений присутствует лишь частично, нарушая первичный композиционный замысел, что ни в коей мере не смутило мастера. Небрежность исполнения подчеркивают неровно обрезанные края пластины и произвольно проделанные, зачастую на фигурках оленей и всадников, дырочки для пришивания. Подобного рода ситуация была подмечена С.С.Бессоновой и Д.С.Раевским при исследовании метопиды из кургана у с.Сахновка [20, С.39-50], трактовавших изделия как воспроизведение путем эстампажа декора античного сосуда, проделанное неумелой рукой. Возможно, при изготовлении песочинской стленгиды был использован подобный метод.

Изменение первичного порядка расположения пластин в погребении вследствие паде-ния перекрытия, а также весьма условная и схематическая фиксация их в полевом дневнике и отчете вносят в любую попытку реконструкции убора определенную долю гипотетических допущений. Снизить их до минимума в этом случае позволит использование (наряду с данными фиксации расположения пластин в погребении) расчетно-графического метода реконструкции, а также обращение к накопленному в скифологии опыту восстановления головных женских уборов.

Фиксация в погребении метопиды в верхней части едва ли соответствовала аналогичному положению на уборе. Попытка размещения метопиды в верхней части головного убора [3, С.92,93] не получила поддержки у других специалистов [7, С.51, рис.3; 8, С.24,25, рис.3], поэтому более вероятным представляется традиционное ее расположение - на лбу, пришитой на кожаный ремень.

Форма песочинской стленгиды в виде изогнутой, сужающейся к концам пластины является характерной особенностью головных уборов типа тиары [7, С.48]. В тиарах стленгиды располагались, обрамляя лицо, в нижней части убора [7, С.46, рис.3]. Подобным образом размещалась стленгида и на песочинском уборе, образуя верхний ряд лицевого обрамления. Нижний ряд обрамления был представлен нашитыми полудугой пластинами с изображением сфинксов с двойным туловищем. Подобный порядок размещения подтверждают как взаимное расположение пластин в погребении, так и совпадение радиуса изгиба и длины (36-37см) нижнего края стленгиды и верхнего края выложенных дугой пластин со сфинксами.

Над стленгидой располагались нашитые один над другим два ряда пластин: со змееной богиней и танцующими менадами. Различная длина двух рядов (со змееной богиней - 37,5см, с менадами - 32см) объясняется, скорее всего, не особенностями конструкции убора, а отсутствием у мастера необходимого количества нужных ему пластин, что косвенно подтверждает использование двух коротких пластин с изображением менад, немного сгладивших, но все же не устранивших, разницу в длине между обоими рядами. Расположение пластин в погребении не позволяет сделать вывод о порядке их взаимного размещения на уборе. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что у пластин со змееной богиней верхний и нижний края ровные, тогда как у пластин с менадами верхний край несколько изогнут, что позволяет совмещать оба ряда на уборе только в определенном порядке, при котором нижнее положение занимали бы пластины со змееной богиней, а верхнее - с менадами. По верхнему краю убора на 3/4 окружности (45см) крепились полоски с подвесками (Рис.1,6).

Таким образом, по внешнему виду песочинский головной убор наиболее близок к восстановленной Т.В.Мирошиной тиаре из кургана 22 погр. 2 у совхоза Красный Перекоп [7, Рис.3]. Высота убора спереди составляла 15см, общая высота - 25см. По бокам, к самому убору либо к ушам, крепились серьги в виде гладкого кольца из золотой проволоки с зооморфной подвеской из голубого стекла (Рис.2).

Обращает на себя внимание пестрота сюжетов пластин, используемых в уборе (пять различных типов), в целом не характерная для изделий подобного круга. Все это, при одновременном наличии на отдельных пластинах производственного брака, а также факт использования в уборе всего двух-трех пластин каждого типа, наводит на мысль, что для убора использовались не специально изготовленные для него пластины, а отбракованные мастером неудачные экземпляры, пробные оттиски, а также оставшиеся после изготовле-

ния других уборов пластины, которые заготавливались мастером с запасом. В процессе работы количество невооруженных пластин накапливалось и при удобном случае сбывалось мастером на периферию менее требовательному заказчику. Возможно, периферийные районы были также рынком сбыта добычи грабителей богатых скифских погребений.

Не исключено, что находки подобного круга являются свидетельством попытки степных скифов укрепить свое положение в это время (по пластинам убора и другим предметам инвентаря погребение датируется рубежом третьей - последней четверти IV в. до н.э.) на востоке. Именно в это время военно-политическая ситуация в Скифии сильно обостряется. Затянувшийся конфликт с Македонией на Западе и с Боспором на востоке способствует переносу акцента скифской политики на восток [21, С.42]. Одновременно с этим активизируется продвижение на запад савроматов, для которых бассейн Северского Донца был стратегически выгодным плацдармом для дальнейшего проникновения в Северное Причерноморье, где присутствие савроматов уже в IV в. до н.э. получило археологическое подтверждение [22, С.112-115,119]. В столь сложной для скифов дипломатической обстановке вполне естественно их стремление к укреплению своих позиций среди местного населения северскодонского региона и использование при этом дипломатических даров, которыми и являются изделия "степного типа", очень широко представленные среди погребального инвентаря Песочинского курганного могильника местной аристократической знати.

Литература

1. Ростовцев М.И., Степанов П.К. Эллино-скифский головной убор // ИАК. Вып. 63. 1918.
2. Боровка Г.И. Головные женские уборы Чертомлыцкого кургана // ИГАИМК. Т 1. 1921.
3. Лесков О.М. Скарби куганів Херсонщини. Київ, 1974.
4. Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.
5. Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. 1977. №3.
6. Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. №1.
7. Мирошина Т.В. Некоторые типы женских головных уборов IV-III вв. до н.э. // СА. 1981. №4.
8. Ключко Л.С. Реконструкція скіфських головних жіночих уборів // Археологія. Вип. 31. 1979.
9. Ключко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
10. Ключко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н.э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
11. Бородулин В.Г. Исследование курганов скифского времени в Харьковской области // АО-1978. М., 1979.
12. Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях Песочинского курганного могильника в 1978 году // Архив ХИМ.
13. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев, 1991.
14. Ключко Л.С. Скифские налобные украшения VI-III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
15. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.
16. Искусство скифов. Л., 1986.
17. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. 1970.
18. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. 1967.
19. Рябова В.А. Женское погребение из кургана Денисова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
20. Безсонова С.С., Раевський Д.С. Золота пластина із Сахнівки // Археологія. Вип. 21. 1977.
21. Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ. Вып. 28. 1987.
22. Шрамко Б.А. Курганы у с. Веселое в Харьковской области // Вестник Харьковского университета. Вып. 25. № 362. 1992.

